

ПОСЛЕДНИЕ

ИЗВЕСТИЯ

* Вчера утром под председательством тов. Степанова состоялось заседание украинской комиссии Оргкомитета СССР. Члены комиссии Ф. Гладков и А. Безыменский дали подробный анализ творчества украинских писателей Копыленко, Кирilenко и Переномайского.

* Вечернее заседание плenumа вчера было посвящено прениям по докладам ОК национальных республик.

* Вчера на вечернем заседании выступили с докладами т. Лахуты о литературе Таджикстана и т. Симонян (Оргкомитет Армении). В прениях выступили тт. Симург (Азербайджан), Новакенко, Эфифида, Капин (Дагестан), Соколов и др. С большой речью выступил В. Киршон. После принятия временного устава союза советских писателей СССР и заключительной речи т. Юдина заседание закрыто.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 30 (346)

12 МАРТА 1934 года

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОННИКОВА,
М. КОЛЬПОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
Г. М. СУБОПОВА, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

III всесоюзный пленум Оргкомитета союза советских писателей

ДОКЛАДЫ ОРГКОМИТЕТОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Утреннее заседание 10 марта

Утреннее заседание 10 марта началось докладом тов. Кави-Наджми о работе Оргкомитета ССР Татарии.

— А. М. Горький,—сказал в своем докладе тов. Наджми,—правильно показал в свое время прошлое Каизан, которая была гордостью татарской буржуазии и царских миссионеров. Сейчас в столице Татарии публики в фабрично-заводских селенках учатся 80.000 школьников, работают 12 школ. В Татарии издаются сейчас 164 газеты и около десятка журналов. На книжной полке сотни тысяч татарских читателей можно увидеть не только книги Горького, Серафимовича и многих других крупных советских писателей, переведенных на татарский язык. Выданный партией лозунг перед писателями—быть инженерами человеческих душ— вызвал кипучую творческую активность и среди писателей Татарии. Татары, которым партийные организации и правительство Татарии уделяют огромное внимание, оказывают большую помощь.

Тов. Наджми отмечает существенную помощь, оказанную Оргкомитету Татарии бригадой со-

ощущается свдвиг и на самом узком участке—театре. Сейчас татарский театр имеет уже три-четыре высококачественные пьесы. В 1934 г. значительно расширяются и планы Госиздата Татарии.

С докладом о работе украинского Оргкомитета ССР выступил председатель Оргкомитета тов. Кулник.

Тов. Кулник самокритически заявляет, что в области развертывания творческой дискуссии писательских организаций на Украине сделано меньше, чем Оргкомитетом ССР, хотя пришли по докладу тов. Юдина показали, что и здесь в этой области сделано очень мало. Это, однако, вовсе не значит, что те значительные творческие достижения, которые насчитываются в своем активе украинская литература, возникли сами собой, самотеком. Развитие украинской литературы, как и европейской и русской литературы на Украине, является результатом большой идеино-политической воспитательной работы, проведенной украинским Оргкомитетом. Но основной недостаток этой работы заключается в том, что, делая упор на преодоление политических враждебных националистических тенденций в творчестве отдельных писателей, руководители украинского Оргкомитета в большинстве случаев игнорировали проблему писательского мастерства.

Тов. Кулник объясняет и то, почему общеполитические вопросы неизбежно должны были явиться центром внимания Оргкомитета УССР, выяснились все остальное: некоторые литераторы Украины оказались связанными с нацидемократией. Если Остап Вишня, Ирчан, Доспинский, Гинжикин в той или иной форме протаскивали нацидемократические тенденции в литературных произведениях, то на театре режиссер Лесь Курбас приводил в своих постановках любой пьесе ярко нацидемократический характер, чтобы фактически «не дать ей дойти до массового зрителя».

Председатель Оргкомитета ССР Белоруссии тов. Климкович констатировал в своем докладе, что белорусская советская литература не оказалась еще на высоте тех задач, которые ставила перед ней партия.

Тов. Климкович анализирует далее произведения Александровича, Галавача, Лынникова, Харика и молодых, появившихся в последнее время писателей Микулича, Шинкера, Самуиленка и поэта Кулешова.

Он отмечает, что в последнее время проблемы борьбы с нацидемократизмом становятся все более острыми.

Он отмечает, что в последнее время проблемы борьбы с нацидемократизмом становятся все более острыми.

Председатель Оргкомитета ССР Туркменистана сделал т. Веселову, указавший, что туркменская литература и по составу своего писательского актива, и по форме своей, и по содержанию является следствием и продолжением того огромного подъема, который начался со времени Октябрьской революции и в частности с момента образования самостоятельной Туркменской республики. Но на пути развития художественной литературы Туркменистана первые же лет ее возникновения встали серьезные препятствия: в течение данного времени во главе народного комиссариата по просвещению, во главе государственно-издательства, научных и литературных организаций стояли непосредственные руководители нацидемократических вредительских и контрреволюционных организаций; писатели Куль-Мухamedов, Беки-Бердев, Вафаев, их

время изданы три сборника, посвященные оборонной тематике, значительно активность проявляют красноармейские писатели, в частности тт. Шаповалов, Горбачев, Ручкин, но «гражданские» писатели Белоруссии еще слабо отражают оборонные темы.

Тов. Климкович говорит и о недостаточной помощи молодым писателям со стороны более квалифицированных литераторов.

Еще хуже обстоит дело с массовым литературным движением. Существуют ликрежки, в которых занятия происходят лишь от случая к случаю один—два раза в год. Большим торжеством в работе литературных кружков является кость местных фабрично-заводских комитетов, не уделяющих достаточно внимания нацидемократическим кружкам. Для урегулирования этого вопроса Оргкомитету ССР БССР пришлось специально обращаться за помощью в республиканский совет профсоюзов. Мешает делу и отсутствие программы для ликрежек. 25 марта Оргкомитет советских писателей Белоруссии совместно с ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., который способствовал коренному перестроюке ряда писателей, ранее стоявших в стороне и занимавших некую «нейтральную» позицию. Этот поворот писателей, находившихся ранее в плену идей пантуркизма и панисламизма, дал азербайджанской литературе много талантливых произведений. Драматург Джара Джаварди написал пьесу о классовой борьбе, в которой он дает решительный ответ мусаватским эмигрантам, считавшим, что он не сможет стать советским драматургом. Юсуф Везир — представитель межобластной демократической литературной интелигенции в романах «1917 г.» и «Девичий родник» дает более правильный показ исторических событий, чем в предыдущих произведениях.

Молодой поэт Мухик, как и многие другие представители азербайджанской юношеской литературы, находившейся под влиянием турецкой литературы, с ее арабизированным стилем и языком и пантуркским шовинистическим содержанием, также переходит на новые позиции. Среди писателей-коммунистов и комсомольцев докладчик отмечает Абдул Гассанова — автора романа «На подъеме» и «Мир рушится». М. Орудбай (роман «Тавриз туманный» — о революции 1908 г.), одного из первых борцов за пролетарскую поэзию — Сулеймана Рустама, поэта Раиса Рзы, писателя Гусейна Мехти, драматурга Бенок-Ага Галиблы (автор пьесы о борьбе за нефть), та-

т. Климкович.

прямой защитник и пропагандист Борисов, заведующий издательством «научный» работник великолепного шовиниста Пашаевского. В течение ряда лет в Туркменистане издавались произведения контрреволюционных писателей. В этих произведениях они ярко и открыто проводили ту свою контрреволюционную националистическую политику, которую в скрытой форме они приносили в возглавляемых ими культурных и научных учреждениях.

В таком именно обстановке появилась в Туркменистане первая со-

ветская поэма нынешнего председателя Оргкомитета ССР Туркменистана т. Ташназарова.

Поэма эта увидела свет только под непосредственным нажимом ЦК партии,

да и она была издана на подлинно на-

родном языке, она изобиловала по-

словами и поговорками, тогда как поэзия Куль-Мухamedова и Ва-

фаева создавалась на изощренном и вычурном недоступном для масс языке баев.

Сейчас литература Туркменистана находит обильные новые ростки, отражая еще подчас формально чудесные впечатления стариков, но отличаясь значительными идеями и художественным ростом, появлением прозы и даже драматургических произведений, в то время как прежняя литература Туркмении была только поэтической. Кроме крупнейшего писателя Ташназарова, в литературе советской Туркмении может быть назван ряд имен молодых талантливых писателей. Такими являются Чарыев, Шали Кекилов и Меред Кильчев, написавшие недавно большую пьесу, Аман Кекилов, Мамед Сарали, Султан-Ниязов Берды, Ходжа Шукулов и многие другие.

Ликрежки в Туркменистане пока

здесь не получили достаточного

развития, но впереди их ждет

большое будущее.

Докладчик подчеркивает, что

литература Туркмении

все еще находится в стадии

формирования.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

стане.

Документальный комитет

делает все возможное для

расширения и углубления

литературной жизни в Туркмени-

РАННИЙ ФУТУРИЗМ

в освещении буржуазного идеалиста

Книга Бенедикта Лившица «Полуглазый стрелец» посвящена воспоминаниям о раннем футуризме и охватывает 1911—1914 годы. Сам Лившиц в те годы был одним из главных русских футуристов, одним из его теоретиков. Понятен интерес, который представляют для работника литературы мемуары, посвященные этому крайне мало исследованному периоду в развитии русского предреволюционного искусства. Лившиц стоял у самой колыбели футуризма. Он был одним из основателей «Гилен», зародившегося сотрудничества русских футуристов, возникшего по поэзии братьев Бурлюков в 1911 г. Буржуазная школа в искусстве, символизм, против которого особенно ополчались футуристы, имел свою отвертку в литературе, в музыке, в живописи. Точно так же и футуризм не был только литературным явлением. Были футуристы-художники, были футуристы-музыканты (хотя в музыке футуризм никогда не был силен). Лившиц, как он сам пишет в своих мемуарах, пришел к литературному футуризму, опираясь на опыт родственной ему западноевропейской живописи. Как же в таком случае не ожидать нам от Лившица интереснейших воспоминаний, публикаций неизвестных или забытых документов, широкой по охвату и осмысленной картины, дающей яркое представление об борьбе течений в школе в русском искусстве в канун 1914 г.? О том, насколько интересными могут быть такие публикации, свидетельствует, например, опубликованное в № 2 «Литературного наследства» ранних статей Маяковского.

Но события, о коих говорит книга Лившица, отделены от нас двумя десятилетиями, с небольшим: срок не столь великий, но и не столь малый,—он включает в себя даты 1914 и 1917 гг. Если бы даже Лившиц преподнес нам изобилие новых, интересных для истории литературы фактов, ценность последних определялась бы прежде всего принципом их отбора, под сомнение ставится сама факты. Умолчание о некоторых из них может означать — объективно или субъективно — искажение всей картины. К такому искаанию нас привела мемуарная литература. В своих интереснейших книгах «На рубеже столетий» и «Начало века» Андрей Белый стремится убедить нас в революционности, если не всегда символизма, то таких его представителей, как он сам, Андрей Белый. Причина такого — мемуарного — искажения, объективной исторической действительности кроется в том, что авторы мемуаров сознательно встали с запозданием, отпечатано и вложено в книгу особую вкладку, в которой оно утверждается (и утверждается, вопреки Ц. Вольпе, совершившими правильно), что Лившиц в своих мемуарах стоит на тех же идеалистических, буржуазных позициях, что в 1910-х гг. В самом деле: можно ли принять концепцию Лившица? Можно ли обнаружить в ней «сильные» стороны? В чём ее объективное содержание?

Лившиц описывает три первых года деятельности футуристов. Он старательно подбирает факты, говоря о расово-националистическом характере футуристического понимания искусства. Именно поэтому в центре его внимания оказываются прежде всего Бурлюки, которые, как известно, если и были организаторами футуризма, то его идеально-творческая сущность, отнюдь не выражали. Именно поэтому Лившиц пишет о Хлебникове, только как о реакционном мыслителе и творце «будетельской» зауки. Именно поэтому фигура Маяковского отводится на задний план.

Поэтому-то эволюция футуризма после 1914 г. и кажется Лившицу смертью футуризма как такового. В своем предисловии автор заявляет, что «расовая теория» «несостоит», что ее эстетика — «символическая». Но сказать так значит ничего не сказать. И Лившиц не только умалчивает о том, что его концепция была фантисткой в зародыше. Он нигде не подвергает ее критике. Наоборот, если откинуть страницу предисловия, вся книга есть восторженный панегирик именно «расовому» прошлому футуризма — попытка любовно воспроизвести это прошлое, — полемический выпад против старых своих противников все с тех же старых позиций буржуазного идеалиста.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

ческого материала, заключенного в «Полуглазом стрелец». Однако из того, о чем повествует Лившиц, мы знали по другим источникам. Многое попросту изложено слишком интересно, а иной раз и поспешно. Только отдельные страницы представляют для исследователя известное значение — таковы «Гилен», о приезде Маринетти в Россию в 1913 г., о возникновении «расовой теории» искусства.

Однако сколько бы ни было скучен фактический материал «Стрельца», сколько бы ни были схематичны в описании Лившица представители раннего футуризма (Маяковский, например, дан в книге по преимуществу лишь внешними описаниями да парой-другой каламбуров и остроу), книга привлекает к себе внимание воинственной тенденциональностью, которой пропитаны все ее страницы, говорящие о зарождении «Гилен», о приезде Маринетти в Россию в 1913 г., о возникновении «расовой теории» искусства.

«Полемика с прошлым и о прошлом», — так характеризует сам Лившиц задачу своей книги, тем самым отозвавшись от себя возможные упреки в беспартийной регистрации историко-литературных фактов. Но он выступает в роли полемиста отнюдь не для того, чтобы кожевничать в литературном движении, скончавшемся ровным счетом восемнадцать лет назад» (т. е. в 1914 г.). «Русский футуризм умер без наследников. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утверждении «расовой теории». И говорить так — значит исказить факты, значит обманывать историю.

Предисловие издательства привильно отмечает, что Лившиц дает чисто формалистическое объяснение зарождению и распаду футуризма. Для него футуризм сводится к «расовой теории», в концептуирующему национализму, отталкивавшему от порочного идеалистического конструирования.

Изображение так и называется: «Лившиц не дает никаких объяснений этим фактам, даже не упоминает о них. Он стремится изобразить ядро «гильейского» футуризма монодраматичным и целостным в своем утвержд

